
ПРАВА

УДК: 342.571

В.В. Гончаров

канд. юрид. наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации
«Ассоциация независимых правозащитников» (г. Краснодар)
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПРИНЦИПОВ, ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дается авторское определение понятия общественного контроля в России. В процессе организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации возникают многочисленные проблемы, которые препятствуют его эффективному функционированию. Наиболее важными из них являются проблемы определения пределов общественного контроля, в частности полноты наполнения содержания данного вида деятельности (в том числе его принципов, целей и задач). Проанализирован перечень принципов, целей и задач общественного контроля в России, обоснована необходимость внесения ряда изменений в действующее законодательство Российской Федерации, регулирующие вопросы общественного контроля. Данные изменения позволяют усовершенствовать законодательную базу общественного контроля, превратив его в действенный инструмент по искоренению причин и условий, способствующих нарушению прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Введение

Статья посвящена исследованию проблем, возникающих с определением принципов, целей и задач общественного контроля в Российской Федерации. Цель исследования – выявить основные проблемы, связанные с определением принципов, целей и задач общественного контроля в Российской Федерации, обосновав пути их разрешения, для того чтобы обеспечить оптимальную организацию и функционирование данного института гражданского общества.

Задачи исследования:

- 1) дать определение общественного контроля в Российской Федерации;
- 2) обосновать, что наиболее важными проблемами, возникающими в процессе организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации, являются проблемы определения пределов общественного контроля, в частности, полноты содержания данного вида деятельности (в том числе его принципов, целей и задач);
- 3) дать анализ принципам, целям и задачам общественного контроля в Российской Федерации, обосновав их оптимальный перечень;
- 4) обосновать изменения и дополнения в действующее законодательство, которые необходимо принять для разрешения проблем, возникающих с определением принципов, целей и задач общественного контроля в Российской Федерации.

Представляется, что под общественным контролем в Российской Федерации следует понимать совокупность облеченных в правовую форму принципов, норм и общественных институтов, представляющих собой объединения граждан, массовая и добровольная деятельность которых направлена на осуществление контроля за формированием и функционированием органов государственной власти и местного самоуправления, а также за деятельностью уполномоченных юридических и физических лиц, которые наделены действующим законодательством определенным набором властных полномочий, осуществляемых ими самостоятельно, либо совместно с органами государственной власти и местного самоуправления, либо от их имени и (или) по их поруче-

нию в целях обеспечения реализации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, формирования и функционирования органов публичной власти в соответствии с действующим законодательством и недопущения присвоения власти или её узурпации отдельными органами власти и их должностными лицами.

В процессе организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации возникают многочисленные проблемы, которые препятствуют эффективно-му функционированию данного института гражданского общества, без разрешения которых невозможна реализация конституционных принципов народовластия и участия общественности в управлении государственными делами.

Наиболее важными из них являются проблемы определения пределов общественного контроля, под которыми стоит понимать:

- 1) пространственные и временные границы его организации и осуществления;
- 2) идеал, к которому необходимо стремиться при его реализации;
- 3) максимальный охват и мыслимую полноту его содержания;
- 4) крайнюю и высшую ступень реализации данного вида деятельности с позиций её легальности и легитимности.

Значительной проблемой, возникающей при организации и осуществлении общественного контроля в Российской Федерации, является определение полноты наполнения содержания данного вида деятельности (в том числе его принципов, целей и задач). Так, анализируя систему принципов общественного контроля, закрепленных в федеральном законодательстве, в частности в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», ряд авторов считают их количество недостаточным для оптимальной организации данного института гражданского общества. Например, О.А. Околеснова отмечает: «В случае если те или иные особенности общественных отношений не предусмотрены базовым законом, приведенные принципы служат направлениями для формирования последующей нормативной правовой базы. Кроме того, они являются ориентиром при применении права по аналогии» [1, с. 110]. Это обстоятельство особенно актуально в силу того, что сам институт общественного контроля в Российской Федерации сравнительно молодой и нормативно-правовая база его регулирования ещё только формируется, особенно на региональном и муниципальном уровнях. Отсутствие же детально сформулированной и сбалансированной системы принципов организации и функционирования данного вида деятельности затрудняет построение единого правового поля общественного контроля в стране. В этой связи Е.В. Бердникова делает вывод о необходимости расширения перечня общеправовых принципов общественного контроля, а также предлагает внесение изменений в действующее законодательство в части корректировки и уточнения регламентации межотраслевых и отраслевых правовых принципов общественной контрольной деятельности [2, с. 12].

С данным предложением следует согласиться, так как перечень принципов общественного контроля, закрепленный законодателем, представляется неполным и в него можно включить, например, принцип этики и профессионализма представителей органов общественного контроля, под которым следует понимать необходимость: а) соблюдения членами общественных палат федерального, регионального и муниципального уровней, представителями иных субъектов общественного контроля правил этического должностования, разрабатываемых как в рамках союзов и ассоциаций субъектов общественного контроля, так и общественными палатами и советами всех уровней; б) постоянного роста профессионализма представителей субъектов общественного контроля. В пользу включения данного принципа, в частности, в ст. 6 вышеназванного Федерального закона говорит практика организации и деятельности Общественной палаты Российской Федерации, общественных палат и советов на уровне субъектов России

и муниципальных образований, которыми разработаны и приняты многочисленные кодексы этики. В частности, Кодекс этики членов Общественной палаты Российской Федерации, принятый 14.04.2006, устанавливает обязательные для каждого члена Общественной палаты правила поведения при осуществлении им своих полномочий, основанных на морально-нравственных нормах, уважении к обществу и к своим коллегам [3].

Другим важным дополнением в перечень принципов общественного контроля может стать принцип коллегиальности в деятельности субъектов общественного контроля, который подразумевает организацию и осуществление данного вида деятельности на коллективных началах. Этот принцип подтверждается тем, что подавляющее число субъектов общественного контроля являются коллективными органами, решения в которых принимаются большинством голосов (например, в Общественной палате Российской Федерации, общественных палатах и советах субъектов России и муниципальных образований).

В число принципов общественного контроля следует включить принцип народовластия. Это позволит изменить сложившийся вектор в организации органов общественного контроля, согласно которому основная роль в их формировании принадлежит не народу непосредственно, а тем или иным органам государственной власти и местного самоуправления (в силу этого происходит выхолащивание общественной природы данного вида деятельности, и он превращается в модифицированную разновидность внутригосударственного контроля). Включение народовластия в систему принципов общественного контроля создаст правовую основу для изменения процедуры формирования органов общественного контроля, при которой они будут избираться непосредственно населением. Тогда органы общественного контроля получат реальную независимость от негативного воздействия органов государственной власти и местного самоуправления, деятельность которых они и призваны контролировать.

Однако предложения некоторых авторов по дополнению системы принципов общественного контроля представляются спорными и необоснованными. Так, по мнению М.А. Килессо, система принципов общественного контроля должна быть дополнена принципом безвозмездности общественного контроля [4, с. 24]. М.А. Килессо считает, что представители органов общественного контроля (как общественных палат того или иного уровня, так и иных субъектов общественного контроля) должны осуществлять свою деятельность безвозмездно, не получая никаких денежных средств от общества или государства. Но при данном подходе это будет означать, что представители субъектов общественного контроля должны заниматься данной деятельностью в свободное от основной работы время либо эта деятельность будет доступна не всем категориям граждан, а, например, пенсионерам либо финансово обеспеченным людям. Действующее законодательство, напротив, обоснованно закрепило гарантии деятельности представителей субъектов общественного контроля. Например, в ст. 13 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» закреплены гарантии деятельности членов Общественной палаты: они освобождаются работодателем от выполнения трудовых обязанностей по основному месту работы с сохранением за ним места работы (должности); им возмещаются расходы, связанные с осуществлением полномочий члена Общественной палаты, а также выплачивается компенсация в размере, определенном законом, иным нормативным правовым актом, за счет средств федерального бюджета [5].

Ряд авторов считают необходимым расширить пределы применения принципов общественного контроля, уже закрепленных в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Так, предлагается распространить принцип недопустимости вмешательства в сферу деятельности политических партий на другие виды общественных объединений в связи с тем, что в про-

тивном случае такое вмешательство будет противоречить самой сути общественных объединений как институтов гражданского общества [6, с. 92]. Однако представляется, что реализация данного предложения приведет к отсутствию общественного контроля за деятельностью многочисленных групп общественных объединений: общественных организаций, общественных движений, общественных фондов, общественных учреждений, органов общественной самодеятельности. Более того, некоторые исследователи предлагают изъять данный принцип из вышеназванного Федерального закона в связи с тем, что «необходимость превращения политических партий в объект общественного контроля и распространение на них соответствующих положений Федерального закона “Об основах общественного контроля в Российской Федерации” обусловлена двойственной природой политических партий, их ролью связующего звена между государством и обществом» [7, с. 13–18].

Как показала практика «цветных революций» (Грузия, Украина) и мировая в целом, именно общественные объединения (включая и политические партии) становятся основным инструментом, используемым для разрушения государственных институтов, осуществления государственных переворотов, революций и т.д. И без деятельного контроля со стороны гражданского общества за данной категорией объединения граждан невозможно обеспечить в их деятельности соблюдения законодательства, а также прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

В то же время представляются оправданными предложения ряда авторов относительно приведения принципов осуществления общественного контроля в отдельных отраслях государственного управления (обеспечение прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания) в соответствии с общими принципами общественного контроля [8, с. 42]. Это позволит, с одной стороны, выработать единый правовой подход к формированию системы принципов организации и функционирования субъектов общественного контроля в России, а с другой – обеспечить равную реализацию права граждан на осуществление общественного контроля во всех сферах государственного и муниципального управления. Это особенно актуально при осуществлении общественного контроля за правоохранительными органами [9, с. 38–42], а также деятельностью, упомянутой в п. 2 ст. 2 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Важную роль в процессе определения пределов общественного контроля играет формулирование его целей и задач. Представляется, что цели общественного контроля, предусмотренные в ч. 1 ст. 5 вышеназванного Федерального закона, закрепляют не все параметры, к которым должен стремиться данный вид деятельности. Ряд авторов справедливо полагают, что действующее законодательство в качестве основной цели общественного контроля в России закрепляет обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина [10, с. 9–13], однако игнорирует цели по предупреждению, профилактике и содействию пресечению нарушения прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Общественный контроль выступает также в качестве гарантии реализации конституционных принципов народовластия и участия граждан Российской Федерации в управлении государством, что также должно быть отражено при формулировании целей данного института гражданского общества. В связи с этим представляется необходимым дополнить ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» пунктами 4 и 5 следующего содержания:

«4) обеспечение профилактики, предупреждение и содействие пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных

объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

5) обеспечение реализации конституционных принципов народовластия и участия граждан Российской Федерации в управлении государством».

Перечень задач общественного контроля, сформулированный в ч. 2 ст. 5 выше-названного Федерального закона, также нуждается в дополнении – ориентированности на достижение конкретных результатов. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию предлагает не только организовать эффективный общественный контроль, но с его помощью добиваться конкретного результата, которого ждут люди [11].

Достигнуть конкретного результата (то есть цели) общественного контроля можно лишь при обеспечении сбалансированного формулирования внутренних и внешних его задач, диалектически связанных между собой. При этом внутренние задачи непосредственно связаны с реализацией субъектами общественного контроля мероприятий, его обеспечивающих, а внешние задачи связаны с формированием и развитием правового государства и гражданского общества в целом, когда в полной мере реализуются, охраняются, защищаются и восполняются (в случае нарушения) права и свободы человека и гражданина, права и законные интересы общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций. В связи с этим представляется необходимым изложить ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в следующей редакции:

«2. Задачами общественного контроля являются:

1) способствование признанию, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций;

2) повышение уровня участия граждан Российской Федерации и их объединений в государственном управлении и местном самоуправлении;

3) формирование и развитие гражданского правосознания;

4) повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества;

5) содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов;

6) реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, профилактику, предупреждение и содействие пресечению их нарушений со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

7) обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

8) вовлечение населения в процесс противодействия коррупции, в том числе путем формирования в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;

9) повышение эффективности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

10) снижение рисков принятия и реализации органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, противоправных и (или) противоречащих общественным интересам решений».

Заключение

Данные изменения позволят усовершенствовать законодательную базу общественного контроля, превратив его в действенный инструмент по искоренению причин и условий, способствующих нарушению прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Околеснова, О. А. Новое прочтение принципов общественного контроля в современных условиях / О. А. Околеснова // Тр. по интеллектуальной собственности. – 2015. – Т. 21, № 2. – С. 110.

2. Бердникова, Е. В. Пробелы правовой регламентации принципов общественного контроля в Российской Федерации / Е. П. Бердникова // Современ. о-во и право. – 2016. – № 2 (23). – С. 12.

3. Кодекс этики членов Общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят на втором пленарном заседании Общественной палаты Российской Федерации 14 апр. 2006 г. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/about/1391/493>. – Дата доступа: 05.12.2018.

4. Килессо, М. А. Принципы общественного контроля над деятельностью органов местного самоуправления в России / М. А. Килессо // Пробелы в рос. законодательстве. – 2016. – № 2. – С. 24.

5. Об Общественной палате Российской Федерации : Федер. закон, 4 апр. 2005 г., № 212-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – № 15. – Ст. 1277.

6. Нужнова, С. Л. Анализ принципов института общественного контроля как инструмента взаимодействия гражданского общества и государства / С. Л. Нужнова, М. С. Терентьева, С. С. Клюшников // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 4 (71). – С. 92.

7. Общественный контроль за деятельностью политических партий – к постановке вопроса // Пробелы в рос. законодательстве. – 2016. – № 2. – С. 13–18.

8. Соколова, О. В. Принципы осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания / О. В. Соколова // Уголов.-исполн. право. – 2014. – № 2 (18). – С. 42.

9. Занина, Т. М. Общественный контроль за деятельностью полиции: понятие, задачи, принципы / Т. М. Занина, М. С. Крицкая // Административ. право и процесс. – 2016. – № 6. – С. 38–42.

10. Бердникова, Е. В. Обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина как основная цель общественного контроля в России / Е. В. Бердникова // Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, преподавателей, практ. работников. – Саратов, 2015. – С. 9–13.

11. Путин, В. В. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию [Электронный ресурс] : послание Президента Рос. Федерации Федер. Собр.,

12.12.2013 г. / В. В. Путин. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_-155646. – Дата доступа: 05.12.2018.

Рукопіс паступіў у рэдакцыю 27.12.2018

Goncharov V.V. Some of the Problems Associated with Defining Principles, Goals and Objectives of Public Control in the Russian Federation

The article is devoted to the study of problems arising from the definition of principles, goals and objectives of public control in the Russian Federation. The article presents the author's definition of the concept of public control in Russia. The author notes that in the process of organization and implementation of public control in the Russian Federation there are many problems that hinder its effective functioning. The most important of them are the problems of determining the limits of public control, in particular, the completeness of the content of this type of activity (including its principles, goals and objectives). The author analyzes the list of principles, goals and objectives of public control in Russia, justifies the need to make a number of changes to the current legislation of the Russian Federation, regulating the issues of public control. In conclusion, it is emphasized that these changes will improve the legal framework of public control, turning it into an effective tool to eliminate the causes and conditions that contribute to the violation of human and civil rights and freedoms, rights and legitimate interests of public associations and other non-governmental non-profit organizations.

УДК 343.34

И.А. Заранка

преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: irina_zaranka@mail.ru

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: К УТОЧНЕНИЮ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ВОПРОСОВ КВАЛИФИКАЦИИ

Незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ имеет высокую степень общественной опасности, а также тяжкие последствия. Республика Беларусь уделяет большое внимание проблемам, связанным с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ как внутри государства, так и на международной арене. Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь предусматривает повышенную уголовную ответственность за преступления в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия. Изучение результатов доктринальных исследований в рассматриваемой области, а также анализ нормативного и эмпирического материала позволили определить объект и предмет исследуемой категории преступлений против общественной безопасности, охарактеризовать правила их квалификации с учетом тех сложностей, которые возникают в правоприменительной деятельности. В целях обеспечения единообразного толкования и применения статей 294–300 Уголовного кодекса Республики Беларусь обосновывается необходимость законодательного уточнения признаков соответствующих преступлений.

Введение

Законодательство Республики Беларусь устанавливает уголовную ответственность за незаконные действия в отношении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств. Оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства – это такая категория предметов, которые могут представлять реальную угрозу не только для жизни и здоровья людей, их собственности, но и для безопасности общества, государства в целом, особенно в тех случаях, когда оказываются в руках преступника. Среди преступлений, совершаемых в сфере обращения специальных предметов и веществ, незаконный оборот различных видов оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств являются наиболее распространенными. Рассматриваемая категория преступлений обладает высокой степенью общественной опасности и тяжестью последствий, однако главной их особенностью является прежде всего то, что они в определенной мере провоцируют совершение других, порой более опасных преступных посягательств. Неслучайно незаконные действия в отношении вышеуказанных предметов обоснованно признаются одним из факторов, влияющих на криминогенную обстановку в государстве, рост насильственной и организованной преступности.

Следует отметить, что на государственном уровне вопросам предупреждения и борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств уделяется значительное внимание. Подтверждением тому может служить тот факт, что Республика Беларусь ратифицировала ряд основополагающих международных договоров, определяющих порядок обращения оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; на внутригосударственном уровне разработана обширная нормативная база в области правового регулирования оборота оружия.

Уголовно-правовая характеристика объекта и предмета преступлений в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия

Преступления в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия в Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь включены в гл. 27 «Преступления против

общественной безопасности». Состояние данного вида преступности демонстрируют данные официальной статистики (таблица).

Таблица. – Зарегистрированные преступления, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия, в Республике Беларусь и Брестской области (2012–2016 гг.)

	Год				
	2012	2013	2014	2015	2016
Республика Беларусь	528	471	360	600	683
Брестская область	23	22	28	76	87

Представленные статистические данные позволяют констатировать устойчивый (начиная с 2015 г.) рост преступности в рассматриваемой сфере, который наблюдается как на территории Брестской области, так и Республики Беларусь в целом. Отмеченное обстоятельство дает основание сделать вывод о том, что незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств на сегодняшний день продолжает оставаться весьма серьезной проблемой в процессе обеспечения необходимой степени защищенности наиболее ценных и значимых интересов личности, общества и государства. Характер общественной опасности данных преступлений обуславливает необходимость активного применения уголовно-правовых мер по их предупреждению и борьбе с ними. При этом от точности и правильности формулировок уголовного закона зависит справедливость привлечения виновных лиц к уголовной ответственности и достижение ее целей, что требует теоретического осмысления соответствующих норм.

Специфика предмета рассматриваемых преступлений вызывает необходимость привлечения специальных знаний для решения вопроса о том, является ли конкретный предмет тем или иным видом оружия, боевым припасом, взрывным устройством или взрывчатым веществом. Ведь только при наличии такого заключения эксперта может идти речь о привлечении лица к уголовной ответственности. С этим обстоятельством могут быть связаны ошибки и сложности в правоприменительной деятельности.

Под оружием в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об оружии» понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, а также подачи сигналов пиротехническими составами. Боеприпасы – это устройства и предметы, непосредственно предназначенные для поражения цели, выполнения задач, способствующих ее поражению, и содержащие разрывной, пиротехнический или метательный заряды либо их сочетание [1].

Более точным, на наш взгляд, является определение боеприпасов, которое дано в подпункте «с» ст. 3 Протокола против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему: «боеприпасы» означают выстрел в комплекте или его компоненты, включая патронные гильзы, капсюли, метательный заряд, пули или снаряды, используемые в огнестрельном оружии, при условии, что сами такие компоненты подпадают под систему разрешений в соответствующем Государстве-участнике [2]. Как представляется, в указанной дефиниции весьма обоснованно подчеркивается тот факт, что речь идет только о боеприпасах к огнестрельному оружию. Именно поэтому словосочетание «боеприпасы к нему» (огнестрельному оружию – *И. 3.*), которое было употреблено в первоначальной редакции ч. 2 ст. 295 УК Республики Беларусь, позволяло более четко определять предмет этого преступления. Думается, что целям реализации принципа законности, а также обеспечению единообразия правоприменительной практики могло бы содействовать использование в действующем УК прежнего законодательного опыта в данной сфере.

Взрывчатое вещество – это конденсированное химическое вещество или смесь веществ, способных под влиянием внешних воздействий к быстрому самораспростра-

няюцца хімічнаму пераўтварэнню (взрыву) з выдзеленнем большага колькасці тэпла і газобразных прадуктаў [3]. Сягласна п. 3 пастановлення Пленума Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь ад 3 красавіка 2008 г. № 1 «О судэбнай практыцы па дэлаах о прэступленнях, звязаных с незаконнымі дзействамі в адношэнні оружыя, боепрыпасов і взрывчатых вешчэств (стат’ы 294–297 УК Рэспублікі Беларусь)» к взрывчатым вешчэствам рэкамендуеця адносіць хімічныя вешчэствы і смясі, абладаючыя спосабнасьцю к взрыву без даступа кісларода (порох, дынамйт, тротыл) [4].

Как адзначаеця в спецыяльных ісследованіях, абащественная апаасность незаконнаго аборота взрывных устројств і взрывчатых вешчэств, по сраавненію с незаконным аборотом огнестрельнаго оружыя і боепрыпасов, значітельно выше. В контектэ сказаннаго традіцыйна указываеця на неабходимость устанавлення боолее строгих мер за незаконный аборот взрывчатых вешчэств і взрывных устројств ілі даже кримиіализації незаконнаго аборота взрывчатых вешчэств і взрывных устројств в раамаах спеціальных норм УК Рэспублікі Беларусь при адновременном поавышеніи пределов нааказаний за их совершение [5, с. 730].

В настоящее время прэступлення, звязаные с незаконным аборотом оружыя і нарушеніем правил аобращания с ним, можно определіть как совершенные виновно абащественно апаасные деяния, заапрещенные стат’ями 295–300 УК Рэспублікі Беларусь, посягаючыя на абащественную безоаасность в сфэре устанавленнаго поарядка аобращания всех видов оружыя в соотвеествіи с зааконодательством Рэспублікі Беларусь.

По предмету посягательства і характеру совершаемых деяний рассатриваемые посягательства можно подразделіть на три группы:

1) прэступлення, звязаные с хищением огнестрельнаго оружыя, боепрыпасов ілі взрывчатых вешчэств, с незаконнымі дзействамі в адношэнні перечеісленных предметов, а также охотничьего огнестрельнаго гладкоствольнаго оружыя (стат’ы 294–295² УК Рэспублікі Беларусь);

2) незаконные дзейства в адношэнні холоднаго оружыя (ст. 296 УК Рэспублікі Беларусь), газоваго, пневматическаго ілі метательнаго оружыя (ст. 297 УК Рэспублікі Беларусь). Предметом этих прэступлений являются холодноое, газоваое, метательное і пневматическое оружие. Данные виды оружыя, в отличие от предмета первой группы прэступлений, абадают меньшей поражающей спосабнасьцю, в целом не так вредоносны, как оружие огнестрельное, поэтому уголовную ааответственность влечет боолее оаграниченный круг совершаемых с ними незаконных дзействій (причем в некоторых случаях обяазательным признаком составов является наличие административной преюдиції);

3) нарушение правил охраны, хранения і аобращания с оружием (стат’ы 298–300 УК Рэспублікі Беларусь) [6].

Непосредственным объектом рассатриваемой группы прэступлений является абащественная безоаасность в сфэре аборота оружыя і боепрыпасов к нему, взрывчатых вешчэств і взрывных устројств. Вместе с тем особенностью данных прэступлений является то, что, посягая на абащественную безоаасность, они объективно причиняют существенный вред широкому кругу абащественных адношений – безоаасным условиям жизнедеятельности абащества в целом, а не только заакономным интересам отдельнаго человека і граажданина. С учетом особой апаасности свойств этих предметов і вешчэств, а также возможности их іспользования для причинения вреда абащественным интересам уголовно-правовые адношения возникают не в результате причинения фактического вреда, а, как правило, вследствие лишь создания такой апаасности [7, с. 86].

Под предметом прэступлений понимается оружие в широком смысле: все предметы вооружения, конструктивно предназначенные для поражения живой ілі иной цели. При этом предметы рассатриваемых прэступлений можно разделить на две группы:

1) особо опасные предметы (оружие массового поражения, взрывчатые вещества и взрывные устройства);

2) огнестрельное оружие (включая огнестрельное гладкоствольное), газовое, холодное, метательное, пневматическое оружие, боеприпасы.

К предметам преступлений, предусмотренных статьями 294 и 295 УК Республики Беларусь, следует относить: огнестрельное оружие, составные части или компоненты огнестрельного оружия, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывчатые устройства, ядерное, химическое, биологическое или другие виды оружия массового поражения либо основные части такого оружия (ч. 2 ст. 294 УК Республики Беларусь).

Предмет преступления в ст. 295¹ УК Республики Беларусь – это охотничье огнестрельное гладкоствольное оружие или боеприпасы к нему, составные части или компоненты охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия; в ст. 296 УК Республики Беларусь – холодное оружие; в ст. 297 УК Республики Беларусь – газовое, пневматическое или метательное оружие.

При нарушении правил обращения и хранения предметом может быть огнестрельное оружие (статьи 298–300 УК Республики Беларусь), а также боеприпасы (статьи 298 и 299 УК Республики Беларусь), взрывчатые вещества и взрывные устройства (ст. 298 УК Республики Беларусь) [6].

Исходя из содержания Закона Республики Беларусь «Об оружии» предметом исследуемых преступлений не может признаваться оружие массового поражения. Под оружием массового поражения следует понимать любой вид оружия неизбирательного действия, изначально предназначенного для уничтожения максимально возможного количества людей. Разрушительное воздействие на флору, фауну, объекты неживой природы (естественные и искусственные) может быть факультативным признаком такого оружия. Оружие массового поражения соответствует таким критериям, как:

- 1) способность наносить чрезмерные повреждения;
- 2) способность причинять излишние страдания;
- 3) неизбирательный характер нанесения ущерба и повреждений;
- 4) способность причинять обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде.

Заключение

В целях единообразного толкования и применения норм статей 294–300 УК Республики Беларусь требуется законодательное уточнение признаков данных преступлений, а именно:

1) определить в примечании к ст. 294 УК Республики Беларусь минимальное количество боеприпасов, незаконный оборот которых должен быть уголовно наказуем;

2) уточнить определение понятия «составные части и компоненты огнестрельного оружия» в ст. 1 Закона «Об оружии», сделав их перечень открытым, и сформулировать его следующим образом:

«Составные части и компоненты огнестрельного оружия – любые элементы или запасные детали, специально предназначенные для огнестрельного оружия и необходимые для его функционирования, в том числе ствол, корпус или ствольная коробка, затвор или барабан, ось затвора или казенник, а также любое устройство, предназначенное или адаптированное для уменьшения звука, производимого выстрелом, либо иного повышения эффективности огнестрельного оружия»;

3) ввести в законодательство Республики Беларусь понятие «оружие массового поражения» как любого вида оружия неизбирательного действия, изначально предназначенного для уничтожения максимально возможного количества людей;

4) указать в диспозиции ст. 295 УК Республики Беларусь, что предметом преступления являются «боеприпасы к нему», т.е. к огнестрельному, а не иным видам оружия;

5) в силу того, что некоторые виды газового оружия обладают качествами комбинированного оружия, то видится целесообразным предусмотреть в ч. 2 ст. 297 УК Республики Беларусь законодательную оговорку – «при отсутствии признаков более тяжкого преступления»;

6) включить в ст. 64 УК Республики Беларусь в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, «совершение преступления с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств».

При квалификации преступлений в сфере незаконного оборота оружия следует учитывать следующие правила:

1) хищение отдельных деталей оружия либо составных частей боеприпасов в комплекте, достаточном для сборки пригодных к использованию оружия или боеприпасов, следует оценивать как окончанный состав преступления; если виновный похитил негодные, но подлежащие ремонту оружие или боеприпасы, имея намерение осуществить ремонт, то он подлежит ответственности за хищение имущества (по статьям гл. 24 УК Республики Беларусь) и приготовление к незаконному изготовлению этих предметов (статьи 13 и 295 УК Республики Беларусь);

2) в случае, если имеет место хищение, сопряженное с уничтожением или повреждением имущества, необходимо квалифицировать это по совокупности статей 294 и 218 или 219 УК Республики Беларусь;

3) если виновный похитил непригодные к использованию огнестрельное оружие, его составные части или компоненты, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства и при этом заблуждался относительно их качества, считая, что они исправны, содеянное следует квалифицировать как покушение на преступление;

4) если оружие перевозится в ручной клади, находящейся при виновном (в сумке, рюкзаке, на сидении рядом с виновным, в его одежде, в кобуре на теле), то такие действия при отсутствии разрешения подпадают под понятие «незаконное ношение» оружия; если предметы находятся в транспортном средстве не в общедоступном для посторонних лиц месте, затрудняющем их обнаружение, то действия виновного следует квалифицировать как хранение;

5) передача соответствующего предмета только во владение предполагает временное обладание им, при этом не имеет значения, возмездной или безвозмездной будет такого рода незаконная сделка; под сбытом следует понимать действия по отчуждению в любой форме другому лицу предметов преступления для постоянного владения, пользования и распоряжения;

6) если незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств имели место с целью совершения другого преступления, то эти действия следует дополнительно квалифицировать как приготовление к преступлению, которое обвиняемый намеревался совершить;

7) передача или сбыт другому лицу оружия или иных предметов квалифицируются как пособничество преступлению в том случае, если виновный сознавал, что эти предметы нужны этому лицу для совершения конкретного преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 апр. 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : [принят резолюцией 55/255 Генеральной Ассамблеи от 31 мая 2001 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018

3. О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Азербайджанской Республики о сотрудничестве в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 47-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 июля 2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 3 апр. 2008 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018

5. Мусаев, М. М. Проблемы уголовной ответственности за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств / М. М. Мусаев, А. А. Гаджиева // Соврем. проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 726–733

6. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., № 53-3 // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Тарасенко, Г. В. Классификация предметов, находящихся в незаконном владении лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия / Г. В. Тарасенко // О-во и право. – 2016. – № 1 (55). – С. 86–90.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.07.2018

Zaranka I.A. Illegal Circulation of Firearms, Ammunition, and Explosives under the Legislation of the Republic of Belarus: to Specification of a Crime Subject and the Questions of Qualification

In the article under review the attempt to define the subject of illegal circulation of firearms, ammunition, explosives is presented. As the given crimes have high degree of public danger, the Republic of Belarus pays much attention to the problems, connected with the illegal circulation of fire-arms, ammunition, explosives, both in the state, and on international level. On the basis of studying the results of the doctrine research as well as judicial practice the characteristic of object and subject of investigated crimes is given in the article, as well as rules of their qualification are defined. The conducted research has allowed making a conclusion about the necessity of further improvement of the Criminal Code in the investigated area.

УДК 34(476)

Б.М. Лепешко¹, А.Б. Лепешко²¹д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²ст. преподаватель каф. гражданско-правовых дисциплин

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: ¹b.m.lepeshko@gmail.com; ²a.b.lepeshko@gmail.com**ДИСКУРС В ПРАВОВЕДЕНИИ: ПОИСКИ ЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ**

Исследуется специфика правового дискурса с точки зрения конкуренции основных форм, способов мышления в современной исследовательской практике. Обращено внимание на проблему правил правового дискурса, изучена и аргументирована противоречивость многих внешне очевидных и ясных констатаций. Показан механизм интерпретации правил, принципов правового дискурса на примере идей Р. Рорти, Ю. Хабермаса и ряда иных известных теоретиков. Показана роль формальной логики в понимании правового дискурса, и охарактеризовано её значение в качестве основного эвристического средства. Раскрыто содержание теоретических споров по изучаемому вопросу со стороны ряда отечественных теоретиков-концептуалистов.

Введение

Само словосочетание «дискурс в правоведеии» требует некоторых комментариев. Исходим из того, что правовая деятельность является дискурсивной по своей природе и иной быть не может в принципе. Сразу же оговоримся, что эта констатация (в иной транскрипции) стала основной при формировании различных коммуникативных (интегративных) подходов, в основе которых сложная сеть категорий – от общения, диалога до феноменологических поисков эйдоса (сущности) права. Но речь сейчас об ином. Предмет статьи связан с осмыслением правил, принципов и представлений правовой деятельности в условиях изменившейся общественной среды и выдвижения на первый план междисциплинарных теоретических конструктов. Т.е. речь идет о некоторых формах, принципах, правилах диалога (полилога), в более широком контексте – правилах общения.

Мы сегодня много говорим о правовом дискурсе, теории дискурса, практике применения дискурсивных методик, однако понимание дискурса как системы методов и приемов разрешения сложных проблем юриспруденции у нас изучается недостаточно широко. В качестве позитивного примера такого изучения можно привести докторскую диссертацию и соответствующую монографию Н.Г. Храмцовой «Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения» [1]. В предлагаемой статье речь идет несколько об иных акцентах: о понимании правового дискурса в контексте формально-логических требований к тексту правового характера. Конечно же, разговор пойдет лишь о некоторых аспектах темы, поскольку системный анализ требует иных по масштабу усилий. Важна и еще одна оговорка. Разговор не об известных правилах формально-логического анализа текстов (непротиворечивость, ясность, единство терминологии). Разговор о том, каким образом формально-логическая аргументация может быть использована в контексте конкуренции междисциплинарных (межпарадигмальных) установок.

На наш взгляд, данная проблема имеет важный и актуальный характер, поскольку здесь выкристаллизовывается феномен связи различных парадигм мышления (классического и неклассического). Важность изучения правового дискурса связана не только с традиционной мотивацией (объективная сложность дискурсивных практик, поиск оптимальных средств воздействия на общественные институты и т.д.), но и с поиском ответов на межпарадигмальные (классические и неклассические) требования современного теоретического мышления. Основные проблемы можно сформулировать следую-

щим образом: существуют ли в принципе правила правового дискурса и являются ли они на сегодняшний день общепризнанными; можно ли говорить о модели правового дискурса и в чем его суть; какова связь между принципами правового дискурса и основными эпистемологическими поисками современного обществознания и некоторые другие. Коммуникативное взаимодействие, которое сегодня выдвигается на первый план в исследованиях многих авторов, работающих в поле общей теории права (в первую очередь) играет важную роль и в процессе правового регулирования. Конечно, вопросы, рассматриваемые в статье, носят во многом дискуссионный характер, однако имеет смысл привлечь к ним внимание теоретиков и практиков права.

Какова наиболее типичная модель правового дискурса? В самом общем виде её обычно определяют в форме трех компонентов: поле, смысл и способ. Поле – это правовой контекст, в который включен правовой дискурс. Смысл связан с вербальными и невербальными средствами коммуникации. Способ связан с выбором формы коммуникации. Каждый из данных компонентов требует отдельного разговора. Мы же сузим предмет разговора и начнем его с правил дискурса – темы, которая связана с логическими аспектами проблемы и которая напрямую «выводит» нас на практические аспекты указанной проблематики. Подробности же, связанные со спецификой правового дискурса, можно найти в монографии Н.Г. Храмцовой [1, с. 7–17].

Такие крупные теоретики, как Р. Алекси и Ю. Хабермас, в коллективной монографии, посвященной правовой антропологии [2], формулируют правила дискурса, которыми должен руководствоваться каждый современный правовед (во всяком случае, в идеале). Ряд замечаний, высказанных ими, нуждаются в комментировании и интерпретации, поскольку затрагивают важнейшие проблемы методологии права.

Возьмем, к примеру, тезис первый (правило первое): «Каждый говорящий не должен противоречить себе». Рядом – положение того же порядка: «Каждый говорящий, применяющий предикат F к предмету A, должен быть готов применить предикат F к другому предмету, который во всех релевантных отношениях равен A» [2, с. 289]. На первый взгляд, перед нами классическая аристотелевская логика, в частности, в первом тезисе акцент делается на применении закона противоречия (не противоречия), а во втором рассуждение осуществляется на примере анализа специфики метода аналогии в праве. Но для того чтобы сформулировать эти, в общем, известные суждения, не требовался специальный теоретический анализ. Проблема заключается именно в дискурсе, его характере и сути, понимании смысла понятий, суждений, их интерпретации. Сегодня теоретическая мысль придает очень большое значение именно этим процессам. Проследим, как ставит и пробует решить проблему дискурса, обозначенную в первых двух правилах, известный американский юрист Р. Рорти. Выбор данного мыслителя не случаен, поскольку перед нами, как обосновывается ниже, представитель иного, нежели авторы названных правил, подхода к выбору методологического основания исследований.

С одной стороны, отмечает ученый, мы выступаем с притязаниями на истинность сказанного и противоречия здесь быть не должно. В том числе и потому, что истинность здесь подразумевается не для одного говорящего (пишущего), но и для всех. Т.е. существует своего рода конвенция между участниками дискурса. С другой стороны, мы используем предикат «истинный» в связи с теми или иными основаниями, которые могут быть подвергнуты сомнению, критике. Цитируя Р. Рорти, Ю. Хабермас по этому поводу пишет: «Даже если предположить, что “истинное” является абсолютным понятием, обстоятельства его применения всегда остаются относительными» [3, с. 17]. Почему? Да потому, что вообще не существует ничего, что было бы совершенно оправданным и раз и навсегда обоснованным. В этом случае то утверждение, с которого мы

начали разговор, уже не выглядит столь безапелляционным. Хотя бы потому, что всегда должно быть понимание относительности истинности утверждения, с которым выступает имярек. Можно вообще не заботиться о понятии истины, но в этом случае дезавуируется тезис о том, что «каждый говорящий не должен противоречить самому себе», поскольку неясен критерий, к которому восходит понятие «противоречие». Может быть, совсем наоборот, противоречие является смысловой осью дискурса, отражающего суть проблемы? Как выход – популярный ныне междисциплинарный (межпарадигмальный) дискурс, когда проявляется синкретический подход, связанный с переплетением классической и неклассической парадигм мышления.

Т.е. вопрос заключается в том, как совместить (методологически) подходы, которые сегодня во многом заключаются в сочетании классической и неклассической парадигм знания. С одной стороны, классицизм, аристотелевский инструментарий и с этой позиции формула, которую предлагают Р. Алекси и Ю. Хабермас, сомнений не вызывает. С другой стороны, дезавуирование понятия истины (и остальных критериев рационалистической методологии) выводит нас совсем на иной путь, связанный с неклассическими подходами (в терминологии Р. Рорти – осознание важности случайности, прогресс в понимании свободы и т.д.). Юрген Хабермас, излагая подход американского мыслителя, уходит от оценок и дискуссии, говоря о том, что «каждый имеет свой собственный алтарь и своего домашнего бога» [3, с. 19]. Насколько эта фраза убеждает читателя, иной вопрос.

В итоге можно констатировать: столь популярный ныне плюрализм в подходах к различным аспектам методологии права привел к распространению своеобразной формы правового мышления, в рамках которой смешение различных подходов затрудняет понимание сути. «Каждый говорящий не должен противоречить сам по себе» – это верно? Верно (мы избегаем здесь слово «истинно»). Но это мысль, не доведенная до конца? Именно так, поскольку далее должно следовать пресловутое «но». Поскольку само противоречие не абсолютно, а относительно и мысль может менять свое содержание прямо в ходе рассуждения. И на каждом смысловом, дискурсивном отрезке оно может претендовать на свою долю «истинности». Затрудняет или облегчает такой подход процесс мышления (эпистемологический процесс)? Рационалист скажет: затрудняет. Но вот ведь парадокс: Юрген Хабермас, рационалист, в целом ряде статей очень высоко оценивает попытки Р. Рорти предложить иную, не рационалистическую трактовку процесса познания.

Можно предположить, что данное противоречие связано с тем, что пресловутый междисциплинарный дискурс (точнее, межпарадигмальный дискурс) не дает нужных результатов. Можно «сочетать» различные парадигмы знания, но ясного понимания сути дела мы не можем получить в принципе, поскольку неклассический подход априори фиксирует изменчивость, динамику, отказ от определений (статики) и т.д. Но зачем тогда вообще «играть» в междисциплинарные теоретические игры? Ответ известен: чтобы обогатить теорию и практику конкретной науки, выйти на новый уровень осмысления проблем и тому подобные вещи. Но насколько удастся это сделать? Анализ лишь одного-двух положений дискурса в праве, предложенный выше, показывает, что мы достаточно часто плодим неясности, поскольку сами не можем определиться с основными эпистемологическими (в частности) константами.

Важно повторить, что Р. Алекси, Ю. Хабермас – это сторонники рационалистического правового дискурса. Р. Рорти занимает иную позицию. Он полагает, что нужно отказаться от поиска абсолютных истин и заменить эти поиски «риторической практикой». Его мысль не тривиальна: «Только если ясно видна бесполезность онтологического различения между сущностью и явлением, бессмысленность эпистемологического различения между бытием и кажимостью, избыточностью семантического различения

между истинным и ложным, – только тогда философская работа может ориентироваться на такие практические цели, как “повышение производительности” и “толерантность”» [3, с. 15–16]. Но мы фиксируем внимательное отношение этих выдающихся теоретиков к идеям друг друга даже в том случае, когда они не просто не совпадают, а прямо противоположны.

При этом единство подходов в рамках понимания специфики правового дискурса также имеется. Можно предположить, что Р. Алекси, Ю. Хабермас, Р. Рорти соглашались с целой серией положений, высказываемых с различных методологических позиций. Например, с тем, что «разные говорящие не должны использовать одно и то же выражение, придавая ему различные значения». Правда, мотивировка условного согласия здесь разная: для «классиков» – ясность, однозначность, непротиворечивость и т.д., а для «неклассиков» – многозначность, динамическое противоречие и иные известные положения. Правила дискурса, с точки зрения Р. Алекси и Ю. Хабермаса, могут быть разные: «Каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе»; «Каждый может ставить под вопрос любое утверждение»; «Каждый может выражать свои установки, желания и потребности»; «Никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права» [2, с. 289–290]. Поэтому далеко не случайно достаточно часто можно прочесть рассуждения крупных отечественных теоретиков о том, что методологическая позиция того или иного автора не является привычно-монистической, т.е., выраженной ясно и недвусмысленно, в категориях какой-либо одной методологии. Чаще всего присутствует констатация того, что дискурс имеет интегративный характер. Лишь один пример по этому поводу. Размышляя о характере и сути современного права, А.В. Поляков в статье «Постклассическое правоведение и идея коммуникации» об идеях Ю. Хабермаса и современного немецкого правоведа Кауфмана пишет так: «Хабермас и Кауфман солидарны в том, что современное право позиционировано между жизненным миром и системой, что не исключает ни его рациональности, ни моральной обоснованности». Что Хабермас защищает идею, согласно которой «современное право нуждается в моральной обоснованности справедливости норм на практике, поэтому право нельзя представлять в виде полностью рационализированного феномена» [4, с. 34]. Т.е. налицо стремление придать интегративным идеям характер самостоятельной методологической парадигмы. И мы знаем, что подобные попытки имеют успех; во всяком случае А.В. Поляков предложил интересную и обоснованную феноменолого-коммуникативную теорию. Но наш интерес лежит в несколько иной плоскости: а что нового привнесли в правовой дискурс новые (неклассические) теории и каким образом они могут быть нами использованы? Чтобы ответить на этот непростой вопрос, обратимся к принципам дискурсивного анализа.

Исследователи обычно выделяют до десяти таких принципов. Приведем некоторые характеристики, сформулированные Н.Г. Храмцовой. К принципам дискурсивного анализа она относит принципы проблемности, субъектности, интерактивности, диалогичности, информативности, нелинейности структуры правового дискурса, междисциплинарности и некоторые иные [1, с. 95]. Что сразу же обращает на себя внимание в этом списке? То, что перед нами фактически характеристика феноменолого-коммуникативного метода А.В. Полякова, а если рассматривать проблему шире – характеристика основных черт неклассической парадигмы правового мышления. Далее: основной упор сделан именно на неклассическую парадигму мышления, а вот то, что связано с рационалистическим подходом, здесь остается на втором плане. Но ведь правовой дискурс – это следствие усилий не только «неклассиков», но и представителей сугубо рационалистического стиля. Поэтому, на наш взгляд, сегодня существует своего рода «перекос» в пользу неклассического типа умствования в том случае, когда речь идет

о междисциплинарности, интегративности, причем достаточно часто – о «новом типе рациональности». Т.е. давление характеристик неклассического характера сопровождается уверениями, что на деле перед нами неклассическая рациональность. Но если мы обратимся к более предметной характеристике тех же принципов правового дискурса, то заметим, что нелинейность, интерактивность и т.д. правового дискурса связаны со спорными интерпретациями (изменение основного гносеологического отношения от объект-субъектного к субъект-субъектному; объективного мира не существует; отвергается принцип верификации и проч.). Вообще вопрос о сопряжении основных характеристик онтологического и гносеологического характера в рамках применения классического и неклассического типа мышления не изучен и вызывает скорее споры, нежели согласие. И сами по себе принципы, как их ни формулируй, мало что дают в эвристическом плане. Вот как, например, И. Честнов рассуждает о роли в правовом дискурсе одного из его компонентов семиотики – науки о знаках. Он пишет: «Сегодня невозможно заниматься “механическим” приспособлением достижений семиотики – науки о знаках – к юридической материи. Отсутствие парадигмальности в семиотической и лингвистической философии не дает такой возможности». Идут споры, дискуссии, и по «тому, кто берет на себя труд по прояснению возможностей применения методологии философии языка (шире – знака) к праву, должен определиться, о какой именно методологии он рассуждает» [2, с. 259]. Здесь необходимы некоторые пояснения. Во-первых, понятно, что речь идет не только о семиотике, но и иных гуманитарных дисциплинах, чей научный аппарат в той или иной мере привлекается для наполнения правового дискурса современным (спорным) содержанием. Во-вторых, вопрос вновь концентрируется вокруг понятия «методология». По сути, И.Л. Честнов ставит проблему достаточно определенно: или одна методология, или другая, но не синкретический дискурс. Обращаясь к герменевтике, идеям правовой коммуникации И. Честнова, А.В. Полякову оппонирует, например, Ю. Козлихин. Читая тексты некоторых «не классических авторов», Ю. Козлихин замечает, что его «оторопь берет» при анализе основных идей. Он же, обращаясь к феноменолого-коммуникативной теории и иным теориям, замечает, что от того, что постмодерн «двинулся в правоведение, никакого приращения научного знания не произошло» [5, с. 36–39]. И здесь вопросы правового дискурса носят второстепенный характер, поскольку критика постмодерна носит принципиальный, сущностный характер.

И здесь возникает еще один вопрос: почему в постановке проблемы звучат слова о «поиске логических оснований» при обращении к правовому дискурсу? Здесь важно заметить, что в этом отношении сложился некий парадоксальный круг идей. В самом деле, во-первых, логика в её классическом виде (аристотелизм) всегда ассоциировалась с сугубо рационалистическими (классическими) попытками осмысления действительности, деятельности, в том числе и правовой. Во-вторых, современные ученые пересмотрели многие основополагающие идеи. Чтобы убедиться в этом, обратимся к точке зрения Карла Поппера. «Мой взгляд на этот вопрос, – пишет ученый, – сводится к следующему: не существует ни логического метода получения новых идей, ни логической реконструкции этого процесса. Я достаточно точно выражу свою точку зрения, сказав, что каждое открытие содержит “иррациональный элемент”, или “творческую интуицию” в бергсоновском смысле» [6, с. 28]. Заметим, как элементами дискурса стали и бессознательное, и интуиция, и психологизм. Не комментируя это замечание, обратим внимание на третий пункт: существует упорное стремление утвердить идеи постмодернизма, используя для этого рационалистические средства. Скажем, существует известный призыв уйти от определений в ходе дискурса и заменить дефиниции, к примеру, описанием, потому что определения догматичны, часто фиксируют уже отжившее, не учитывают динамику сегодняшнего дня и т.д. Но что интересно: обычно рабо-

ты, содержащие такие призывы, особенно учебные пособия, заканчиваются добротным списком основных категорий, характеристика которых дана в ключе все тех же привычных формально-логических инвектив. Т.е. логика и исключается из арсенала средств правового дискурса, и эффективно используется, она «включается» в синкретический круг методологических предпосылок нового знания, и её изгоняют из того круга знания, с которым олицетворяется новое знание. На наш взгляд, этот подход требует большей ясности и определенности. Т.е. необходимо защищать ту точку зрения, что определенный стиль мышления требует столь же определенных средств его выражения. Не исключено, что правовой дискурс на основе идей постмодерна получит новый импульс исходя из междисциплинарных идей, которые распространены ныне. Скажем, будут предложены новые способы борьбы с манипулятивными технологиями. Продемонстрировано, каким образом можно использовать новые информационные технологии для повышения эффективности правового дискурса, как быть с ценностями, идеологией, спецификой государственного управления в условиях нового качества и новых проблем правового дискурса. На сегодняшний день эти задачи не решены. Не помогает решению проблем и переквалификация предикатов применительно к термину «рациональность». Если мы заменим слово «классическая» применительно к понятию «рациональность» словом «неклассическая», для многих эта замена не облегчит задачи правового дискурса. Вот, например, как авторы одной из монографий рассуждают о «новом праве»: «Постклассическая социокультурная реальность права утверждает сконструированность, то есть созданность активностью человека, а не данность права и его воспроизводимость практиками людей. Это не отрицает объективность права, но пересматривает её как практическую intersубъективность» [2, с. 105] и т.д. Ещё как отрицает! Это отдельный разговор, но попробуйте найти в этом рассуждении место формальной логике – это непростая задача.

Заключение

Спору нет, мы живем в эпоху пересмотра привычных рационалистических формул и пытаемся найти выход из привычного круга идей, предложенных еще в XIX в. теоретиками позитивизма и марксизма (прежде всего). В этой связи никого не удивляет давление постмодернистской идеологии и гносеологической практики. Нынче крепнет новая тенденция, связанная с попытками найти своего рода «третий путь», в правовом дискурсе в том числе. Характерные черты этого пути мы уже конспективно отмечали: это признание ценности всех предыдущих теоретических достижений (теорий); согласие в том, что высказываемые и часто противоположные по своему качеству и чертам мысли признаются как достойные внимания; использование формальной логики и объявление новых идей «новой рациональностью» при внешнем отказе от нее (чего стоит хотя бы известная атака на разум крупнейших современных теоретиков!). Впрочем, все это темы отдельного разговора.

Сама технология правового дискурса (тема, которую мы сознательно обошли) здесь имеет второстепенный характер. Заметим лишь, что она в соответствующих работах выстроена по все тем же привычным рационалистическим клише. И представляется, что это верно, правильно. Если новые теории предложат нам новые пути, наверное, они будут востребованы и применены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храмцова, Н. Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения / Н. Г. Храмцова. – Курган : Курган. гос. ун-т, 2012. – 180 с.

2. Социокультурная антропология права / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – 840 с.
3. Хабермас, Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2012. – 160 с.
4. Поляков, А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации / А. В. Поляков // Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 26–43.
5. Козлихин, И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву / И. Ю. Козлихин // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31–40.
6. Поппер, К. Логика научного исследования / К. Поппер. – М. : Республика, 2004. – 447 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.11.2018

Lepeshko B.M., Lepeshko A.B. The Legal Discourse: in Search of Rationale

The specific features of legal discourse in terms of workarounds and ways of thinking in modern research practice is discussed in the article. Attention is paid to the problem of the rules of legal discourse, the inconsistency of many externally obvious and clear statements has been studied and argued. The mechanism of interpretation of the rules, principles of legal discourse is shown on the example of a number of ideas of R. Rorty, J. Habermas and a number of other well-known theorists. The role of formal logic in understanding legal discourse is shown and its significance as the main heuristic tool is described in the article. The content of theoretical disputes by a number of Russian conceptual theorists on the issue is demonstrated.

УДК 342.3

О.В. Назарова

аспирант каф. конституционного права
Белорусского государственного университета
e-mail: uk.nazarova@gmail.com

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЕ РЕШЕНИЙ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ПОСЛЕДСТВИЯХ ИХ ВЫНЕСЕНИЯ

Рассмотрены полномочия и компетенция Суда Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС, Суд Союза) через призму защиты интересов граждан и юридических лиц Республики Беларусь. Важность подобного анализа обусловлена спецификой создаваемого наднационального правопорядка, когда принятые общеобязательные нормативные акты Союза должны единообразно исполняться в национальных правопорядках государств-участников. Суду ЕАЭС отводится важная роль органа разрешения споров и обеспечения единообразного понимания всеми участниками интеграционного взаимодействия создаваемых правовых предписаний. Предложены пути совершенствования полномочий Суда Союза для лучшего достижения целей и задач, возложенных на Суд в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе.

Введение

Подписание в г. Астане 29.05.2014 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор, Договор о Союзе, Договор о ЕАЭС) стало важным шагом на пути евразийской интеграции.

Особый интерес представляет деятельность органов Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС). Так, ст. 8 Договора о ЕАЭС в качестве органа Союза определен Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд, Суд Союза, Суд ЕАЭС), который является постоянно действующим судебным органом ЕАЭС. Статус, состав, компетенция, порядок функционирования и формирования Суда определяются Статутом Суда Евразийского экономического союза (прил. № 2 к Договору о ЕАЭС) (далее – Статут). Целью деятельности Суда является обеспечение единообразного применения государствами – членами Союза, а также органами Союза – Высшим Евразийским экономическим советом, Евразийским межправительственным советом, Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) актов, входящих в так называемое право Союза. Эти акты определены ст. 6 Договора о ЕАЭС. К ним относятся: Договор о ЕАЭС; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий и предусмотренные в Договоре о ЕАЭС и иных международных договорах Союза.

Полномочия Суда по рассмотрению споров перечислены в п. 39 Статута. Юридическая сила решений Суда ЕАЭС (за исключением консультативных заключений) определена подпунктами 99 и 100 Статута. По результатам рассмотрения споров, предусмотренных подп. 1 ч. 1 п. 39 Статута, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения сторонами спора. По результатам рассмотрения споров, предусмотренных подп. 2 ч. 1 п. 39 Статута, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения Комиссией [1].

Научный руководитель – Г.А. Василевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета

«Международные суды, – указывает Т.Н. Нешатаева, – отходят от основной обязанности по разрешению споров, чтобы преследовать другие цели, такие как международный нормоконтроль и поддержание международных соглашений о совместной деятельности (изменение, которое совпадает с более общим сдвигом в международном праве от права сосуществования к праву сотрудничества)» [12]. Полномочия Суда Союза частично связаны с выполнением функции судебного нормоконтроля. Суд ЕАЭС признает акты органов ЕАЭС соответствующим либо не соответствующим вышестоящим по юридической силе актам. Иерархия актов, входящих в право Союза, определена ст. 6 Договора о ЕАЭС.

В соответствии с п. 39 Статута Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза:

1) по заявлению государства-члена:

а) о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору;

б) о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений;

в) о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;

г) об оспаривании действия (бездействия) Комиссии;

2) по заявлению хозяйствующего субъекта:

а) о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

б) об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта [1].

Таким образом, Суд Союза в некотором роде выступает (по аналогии с Конституционным Судом) в роли «негативного» законодателя, «который “выводит” из сферы правоприменения правовые нормы, не соответствующие актам более высокой юридической силы» [11].

По результатам рассмотрения дела по заявлению государства-члена о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору Большая коллегия Суда выносит одно из следующих решений:

1) о несоответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору;

2) о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору [1].

По результатам рассмотрения дела по заявлению государства-члена о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза Большая коллегия Суда выносит одно из следующих решений:

1) о несоответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;

2) о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза [1].

По результатам рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, Коллегия Суда выносит одно из следующих решений:

1) о признании решения Комиссии или его отдельных положений соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза;

2) о признании решения Комиссии или его отдельных положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза [1].

Пунктом 111 Статута определен момент прекращения действия акта Комиссии, который Судом был признан не соответствующим Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза. Действие решения Комиссии или его отдельных положений, признанных Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда.

Важно отметить, что п. 13 Положения о Комиссии устанавливает, что решения, принимаемые Комиссией в пределах своих полномочий, имеют нормативно-правовой характер и обязательны для государств-членов. Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территории государств-членов. Таким образом, решения Комиссии обладают прямым действием на территории государств-участников и затрагивают важнейшие сферы экономики (таможенное регулирование, государственные и (или) муниципальные закупки, конкурентную политику и иные).

Решение Комиссии или его отдельные положения, признанные Судом не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, в разумный срок, но не превышающий 60 календарных дней с даты вступления в силу решения Суда, приводится Комиссией в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, если иной срок не установлен в решении Суда. В своем решении Суд с учетом положений Договора и (или) международных договоров в рамках Союза может установить иной срок для приведения в соответствие с Договором и (или) международными договорами в рамках Союза решения Комиссии. В случае неисполнения решения Суда государство-член вправе обратиться в Высший Евразийский экономический совет с целью принятия необходимых мер, связанных с его исполнением. В случае неисполнения Комиссией решения Суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. Акт Комиссии, признанный Судом не соответствующим международным договорам, входящим в право Союза, может действовать еще достаточно длительное время. Таким образом, момент утраты силы правового акта определяет сама Комиссия.

Очевидно, что государства-члены исходили из того, что Комиссии необходимо время для решения некоторых аспектов правового регулирования, принятия иного акта в целях недопущения правового пробела. Вместе с тем представляется, что действие акта после того, как уполномоченный орган признает его несоответствующим вышестоящим по юридической силе актам, т.е. признает незаконным, не соответствует принципам законности и справедливости.

Считаем, что в правовом государстве (а Конституции Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики определяют свои государства именно таковыми) [2–6] это недопустимо, поскольку если нормативный акт незаконный, нарушает права и интересы граждан и юридических лиц, то он не должен продолжать свое действие после того, как суд установил его незаконность. Иначе имеет место такая ситуация, что суд своим же решением санкционирует действие незаконного акта на определенный им же срок. Более того, между-

народный договор в рамках Союза либо решение Комиссии при их признании несоответствующими вышестоящему по юридической силе акту неправомерны не с момента признания их таковыми Судом, а с момента изначального принятия, поскольку уже тогда эти акты не обладали признаком законности, и, соответственно, не должны были иметь юридической силы.

Провозглашая государство правовым, Конституция Республики Беларусь устанавливает, что права, свободы и законные интересы являются высшей целью и ценностью государства. Конституции Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики содержат аналогичные по смыслу нормы [2–6]. Если Суд установил, что изданный нормативный акт является незаконным, то это значит, что права и законные интересы граждан либо юридических лиц в результате издания такого акта были нарушены. Соответственно, государство обязано принять все меры для восстановления положения, существовавшего до нарушения права. Для этого необходимо исправить последствия нарушения права либо возместить убытки. Согласно ч. 2 ст. 60 Конституции Республики Беларусь с целью защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане в соответствии с законом вправе взыскивать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда [3].

Последствия признания международного договора либо решения Комиссии не соответствующим вышестоящим по юридической силе актам Договором не определены. Вопросы возмещения вреда, понесенного субъектами хозяйствования в результате применения решения органов Союза, которое было успешно оспорено в Суде, Статут не регулирует. Пункт 61 Статута определяет, что Суд оставляет без рассмотрения требования о возмещении убытков или иные требования имущественного характера. Предполагается, что поскольку решения органов Союза являются составной частью национального права, то право на возмещение такого ущерба может быть реализовано на национальном уровне каждого государства – члена ЕАЭС.

Вопрос возмещения убытков гражданину или юридическому лицу в результате действий государственных органов регулируется Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – Гражданский кодекс) и иными специальными актами законодательства. Так, в соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов или должностных лиц этих органов, органов местного управления и самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления, подлежат возмещению Республикой Беларусь или соответствующей административно-территориальной единицей в порядке, предусмотренном законодательством. Указанную норму развивает ст. 938 Гражданского кодекса, согласно которой возмещение вреда осуществляется за счет казны Республики Беларусь или казны административно-территориальной единицы [7].

Как правило, убытки субъектам хозяйствования причиняются ненормативными (правоприменительными) правовыми актами государственных органов (должностных лиц), которые принимаются во исполнение и на основании норм, предусмотренных нормативными правовыми актами. Таким образом, в случае признания нормативного правового акта незаконным (не соответствующим вышестоящим актам), субъекты хозяйствования могут требовать возмещения понесенных убытков.

Республика Беларусь, ратифицировав Договор о ЕАЭС, выразила свое добровольное согласие на обязательность для нее международного договора, поэтому несет ответственность по обязательствам перед своими гражданами. Договором о ЕАЭС ответственность органов Союза (Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета, Комиссии) за причинение ущерба гражданам

и (или) субъектам хозяйствования не установлена. На наш взгляд, данный вопрос не может оставаться неурегулированным в условиях правового государства.

Еще один важный вопрос состоит в том, что суды, вынося свои постановления, могут ориентироваться на нормативные акты органов Союза, которые впоследствии были признаны Судом Союза несоответствующими вышестоящим актам, входящим в право Союза.

Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – Хозяйственный процессуальный кодекс), Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – Гражданский процессуальный кодекс) содержат перечень оснований для пересмотра решений судов по вновь открывшимся обстоятельствам. Так, абзац 7 ч. 2 ст. 319 Хозяйственного процессуального кодекса в качестве оснований для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам устанавливает признание Конституционным Судом Республики Беларусь законодательных актов, примененных судом, рассматривающим экономические дела, в деле, не соответствующими в целом или их части Конституции Республики Беларусь либо не соответствующими в целом или их части нормативным правовым актам большей юридической силы [10]. Часть 2 ст. 452 Гражданского процессуального кодекса, содержащая основания для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, не содержит аналогичного основания, определенного абзацем 7 ч. 2 ст. 319 Хозяйственного процессуального кодекса.

Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях возможность пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях по вновь открывшимся обстоятельствам не предусмотрена. Статья 12.11. Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях определяет, что вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении может быть пересмотрено по жалобе лиц, указанных в ч. 1 ст. 12.1 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях, если оно обжаловалось до вступления его в законную силу, либо по протесту прокурора. Жалоба (протест) направляется в суд, уполномоченный в соответствии с ч. 2 ст. 12.11 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях на пересмотр вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении [9].

Таким образом, возможны ситуации привлечения хозяйствующих субъектов к административной ответственности, а после судом ЕАЭС нормативный акт органа ЕАЭС (в первую очередь речь идет о решениях Комиссии), который устанавливает порядок деятельности в определенной сфере экономики, будет признан не соответствующим вышестоящему по юридической силе акту (к примеру, Договору).

В связи с этим полагаем необходимым ст. 319 Хозяйственного процессуального кодекса, ст. 452 Гражданского процессуального кодекса, а также Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях дополнить нормой, предусматривающей возможность возобновления дела в административном, гражданском, хозяйственном процессах по вновь открывшимся обстоятельствам по такому основанию, как признание Конституционным Судом Республики Беларусь законодательных актов, примененных судом, либо органом, ведущим административный процесс, в деле, не соответствующими в целом или их части Конституции Республики Беларусь либо не соответствующими в целом или их части нормативным правовым актам большей юридической силы, а также признание Судом Евразийского экономического союза международного договора в рамках Союза или его отдельных положений несоответствующим Договору о ЕАЭС, признании решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений не соответствующими Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза.

Заклучение

Резюмируя, можно сделать вывод о большой проделанной работе в области нормотворчества по написанию законодательства, регулирующего деятельность Союза. Однако в силу особенностей национального права стран-участниц остаются некоторые «белые пятна» и коллизии, которые требуют детального урегулирования как на национальном, так и на наднациональном уровнях. На данном этапе интеграции «гибкие» нормы Договора о ЕАЭС в связи с небольшим объёмом правоприменительной практики оставляют большой круг неразрешённых вопросов для национального законодателя. Нормы права Союза в первую очередь должны служить непосредственно хозяйствующим субъектам для достижения целей и соблюдения принципов ЕАЭС, закреплённых в статьях 3 и 4 Договора о Союзе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [подписан в г.Астане 29.05.2014] : в ред. от 11.04.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : с изм. и доп. от 17 окт. 1998 г. – Режим доступа: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru. – Дата доступа: 15.03.2018.
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
4. Конституция Республики Армения [Электронный ресурс] : с изм., внес. на референдуме 27 нояб. 2005 г. : в ред. Закона Респ. Армения от 6 дек. 2015 г. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus>. – Дата доступа: 15.03.2018.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. – М. : Айрис-пресс, 2013. – 63 с.
6. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] : с изм. и доп. от 2 февр. 2011 г. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution. – Дата доступа: 15.03.2018.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-3 : принят Палатой Представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
9. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек 2006 г., № 194-3 : принят Палатой Представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
10. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-3 : принят Палатой Представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. //

КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

11. Василевич, Г. А. Реализация решений Конституционного суда Республики Беларусь в законотворческой деятельности и правоприменительной практике / Г. А. Василевич // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : доклад на межд. конф., Москва, 19 апр. 2002 г.

12. Нешатаева, Т. Н. Действие актов международного суда в национальных правовых системах: на примере актов Суда ЕАЭС [Электронный ресурс] / Т. Н. Нешатаева. – Режим доступа: <http://courteurasian.org/doc-20273&ved>. – Дата доступа: 15.03.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.04.2018

Nazarova O.V. On the Issue of Legal Force of Court Decisions of the Eurasian Economic Union and the Consequences of Their Issuance

In the present article the author analyzes the powers and competence of the Court of the Eurasian Economic Union (the EAEC Court, the Court of the Union) through the prism of protecting the interests of citizens and legal entities of the Republic of Belarus. The importance of such an analysis is determined by the specifics of the created supranational law and order, when legally binding supranational normative acts of the Union adopted are to be uniformly enforced in the national legal orders of the participating States. The EAEC Court is assigned the important role as the dispute resolution body that is ensuring uniform understanding of the created legal regulations by all participants of the integration interaction. The author considers ways of broadening the powers of the Court of the Union to better achieve the goals and tasks assigned to the Court in accordance with the Treaty on the Eurasian Economic Union.

УДК 34/328.185(075)

В.И. Резюк

*ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: rezyuk@tut.by*

ХИЩЕНИЕ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Рассматривается хищение путем злоупотребления служебными полномочиями как правонарушение. Выделены некоторые отраслевые признаки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями; детализированы признаки субъектов, на основе которых правонарушению дана комплексная юридическая характеристика по законодательству Республики Беларусь, обозначены её особенности и проблемы; определены стратегические направления совершенствования законодательства об ответственности за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями.

Введение

Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями является одной из самых опасных форм проявления коррупции и как отдельное правонарушение отражает некоторые особенности, вытекающие из того, что коррупция как явление логично и обоснованно перестала рассматриваться исключительно как уголовно-правовой феномен (что, в свою очередь, повысило качество предупредительно-профилактической работы). Тема коррупции, охватившая предельно широкий круг общественных отношений и мер по борьбе с ней, является одной из самых обсуждаемых в юриспруденции [1, с. 20; 2, с. 17]. Вместе с тем хищение путем злоупотребления служебными полномочиями рассматривается в основном как уголовно-правовое явление. Однако с позиции современного состояния законодательства Республики Беларусь подобный подход является недостаточным и неточным.

Совершенствование всей системы противодействия коррупции и соответствующие изменения в законодательстве, фактически создавшие особое состояние указанной сферы нормативно-правового регулирования, обуславливают необходимость комплексной юридической оценки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями как отдельного правонарушения.

С принятием в 1999 г. Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, в 2003 г. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), последующих отдельных изменений в их соответствующие статьи, а также Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон «О борьбе с коррупцией») и ряда иных актов по вопросам противодействия коррупции нормативно-правовую базу для юридической оценки (квалификации) хищений путем злоупотребления служебными полномочиями можно обозначить как сложившуюся, что, впрочем, не исключает возможности её дальнейших изменений и дополнений.

«Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями» является понятием, закрепленным в законодательстве ряда отраслей: уголовном законодательстве, административном законодательстве, антикоррупционном законодательстве.

В ст. 210 УК Республики Беларусь закреплена ответственность за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями [3]. Нормы, закреплённые в указанной статье, являются специальными по отношению к должностным злоупотреблениям: за совершение преступления привлекается исключительно должностное лицо, исполь-

зующее служебные полномочия при совершении хищения. Для квалификации хищения путем злоупотребления служебными полномочиями по ст. 210 УК Республики Беларусь необходимо, чтобы лицо использовало свои служебные полномочия и не выходило за их пределы. К уголовной ответственности также привлекается лицо за приготовление к хищению путем злоупотребления служебными полномочиями и за покушение на него [3].

В ст. 10.5 КоАП закреплена ответственность за мелкое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями: нормы статьи имеют общий характер, и по ним квалифицируются мелкие хищения, совершаемые также иными способами (путем кражи, мошенничества, присвоения и растраты). Для квалификации хищения путем злоупотребления служебными полномочиями по ст. 10.5 КоАП необходимо, чтобы лицо использовало свои служебные полномочия и не выходило за их пределы. Формой совершения мелкого хищения путем злоупотребления служебными полномочиями является также покушение на его совершение [4].

Административное правонарушение (мелкое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями) и хищение путем злоупотребления служебными полномочиями как преступление, предусмотренное ст. 210 УК Республики Беларусь, имеют многие общие юридические признаки: объектом являются отношения собственности, способ совершения характеризуется использованием служебных полномочий.

Из положений УК и КоАП вытекает, что хищение путем злоупотребления служебными полномочиями – это умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью, причиняющее ущерб собственнику или иному владельцу.

Существенным отличием, чаще всего применяемым на практике для разграничения ст. 10.5 КоАП и ст. 210 УК, является размер похищенного: по общему правилу под мелким хищением понимаются хищение имущества юридического лица в сумме, не превышающей 10-кратного размера базовой величины [4]. При превышении указанного размера деяние квалифицируется как преступление [3].

В то же время некоторые признаки указанных правонарушений (в том числе общие по названию) имеют существенные отличия. Так, несмотря на общий специальный субъект административного правонарушения и преступления – «должностное лицо», его содержание в УК и КоАП имеет существенные отличия. В соответствии с п. 4 ст. 4 УК Республики Беларусь под должностными лицами понимаются:

1) представители власти, т.е. депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, а равно государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе;

2) представители общественности, т.е. лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия;

3) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

4) должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов [3].

Согласно ст. 1.3 КоАП, к должностным лицам относятся:

1) физическое лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, либо лицо, уполномоченное в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

2) государственный служащий, имеющий право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных ему по службе [4].

Понятие «должностное лицо» в уголовном законодательстве существенно шире, чем в административном законодательстве. Не каждое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, в котором изначально усматривались признаки преступления, при уменьшении установленного размера похищенного может быть квалифицировано как административное правонарушение, выраженное в мелком хищении путем злоупотребления служебными полномочиями.

Существенное дополнение к юридической оценке хищения путем злоупотребления служебными полномочиями вносят нормы законодательства о борьбе с коррупцией. Постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 утвержден перечень коррупционных преступлений, к которым было отнесено и предусмотренное ст. 210 УК Республики Беларусь (аналогичный перечень ранее утверждался постановлением от 31 января 2011 г. № 5/8/1/34/6), при этом понятие «коррупционное преступление» отсутствует в УК и в Законе «О борьбе с коррупцией» [2, с. 85–86, 102–103].

Согласно ч. 1 ст. 37 Закона «О борьбе с коррупцией», мелкое хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями является одним из нормативно закрепленных видов коррупционных правонарушений [5].

Указанные решения существенным образом повысили социальную точность юридической оценки и позволили существенным образом совершенствовать правоохранительную деятельность: так, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями получает оценку как административное правонарушение или преступление и обязательно как коррупционное правонарушение или коррупционное преступление соответственно. Вместе с тем это создает ряд противоречий, которые должны быть учтены при юридической оценке правонарушений коррупционного характера и в перспективе устранены.

В ст. 3 Закона «О борьбе с коррупцией» определены субъекты коррупционных правонарушений:

- 1) государственные должностные лица;
- 2) лица, приравненные к государственным должностным лицам;
- 3) иностранные должностные лица;
- 4) лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц [2, с. 93; 5].

К государственным должностным лицам относятся:

- 1) Президент Республики Беларусь;
- 2) депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь;
- 3) члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь;

4) депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе;

5) иные государственные служащие, на которых распространяется действие законодательства о государственной службе;

6) сотрудники Следственного комитета Республики Беларусь;

7) сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь;

8) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, в том числе воинские, в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь и относящиеся в соответствии с законодательными актами к должностным лицам;

9) заместители руководителей местных Советов депутатов;

10) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц [2 с. 94–95; 5].

К лицам, приравненным к государственным должностным лицам (приравненные к ним лица), относятся:

1) члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь;

2) депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на непрофессиональной основе, за исключением заместителей руководителей местных Советов депутатов;

3) граждане, зарегистрированные в установленном законом порядке кандидатами в Президенты Республики Беларусь, в депутаты Палаты представителей, в члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, в депутаты местных Советов депутатов;

4) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в негосударственных организациях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей (за исключением лиц, занимающих ответственное положение, которые относятся к государственным должностным лицам, занимающим ответственное положение);

5) лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

6) представители общественности при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, отправлению правосудия [2, с. 95–96; 5].

Иностранцами должностными лицами признаются должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов.

Таким образом, в законодательстве о борьбе с коррупцией закреплена особая типология должностных лиц, включающая государственных должностных лиц, лиц, приравненных к государственным должностным лицам, и иностранных должностных лиц, отдельные из которых в административном и уголовном законодательствах отнесены к одной категории – должностные лица [2, с. 94]. При этом понятие, обозначающее лицо, совершающее хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, закрепленное в Законе «О борьбе с коррупцией», является наиболее широким. Ближким к нему является понятие, закрепленное в уголовном законе: должностные лица, указанные в УК Республики Беларусь, кроме отдельных категорий, фактически классифицируют-

ся на группы: государственные должностные лица, приравненные к ним и иностранные должностные лица (согласно УК, в отличие от закрепленного в Законе «О борьбе с коррупцией», к должностным лицам не отнесены граждане, зарегистрированные в качестве кандидатов на занятие указанных в законе должностей).

Административно-правовые признаки должностного лица, установленные в КоАП, существенно уже закрепленных в УК и Законе «О борьбе с коррупцией». Все группы должностных лиц, закрепленные в КоАП, находят отражение в уголовном законе и Законе «О борьбе с коррупцией», однако не всех должностных лиц, согласно УК и Закону «О борьбе с коррупцией», можно охарактеризовать аналогично по КоАП. Например, согласно нормам КоАП, по соответствующему признаку не отнесены к должностным лицам лица, находящиеся на государственной службе, но не являющиеся государственными служащими (например, лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, в том числе воинские, в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь). По другим признакам (в частности, выполнение административно-хозяйственных функций) подобные лица могут быть признаны должностными, но при этом очевидно разное содержание норм и институтов указанных нормативно-правовых актов.

Согласно ч. 2 ст. 2 Закона «О борьбе с коррупцией», за совершенные коррупционные правонарушения наступает ответственность, предусмотренная КоАП, УК и иными законодательными актами [5]. Вместе с тем не все должностные лица, указанные в данном законе, совершившие деяние с признаками мелкого хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, могут нести административную ответственность именно за совершение хищения путем злоупотребления служебными полномочиями. В частности, в случае совершения указанного хищения военнослужащим его действия не могут оцениваться как административно наказуемое мелкое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. Даже если это не влияет на квалификацию по ст. 10.5 КоАП, охватывающей несколько способов совершения правонарушения (кражу, мошенничество, присвоение, растрату, злоупотребление служебными полномочиями), подобное положение не способствует соблюдению требований точной юридической оценки и однообразного подхода к деяниям всех лиц, наделенных особыми (служебными) полномочиями.

Вопросы юридической оценки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями имеют большое значение в теории и практике правоприменения в области предупреждения коррупции.

В правоохранительной деятельности по борьбе с коррупцией и её предупреждению наблюдается единство норм УК, КоАП и Закона «О борьбе с коррупцией». Так, согласно ст. 38 Закона «О борьбе с коррупцией», в случае совершения коррупционных правонарушений отдельными категориями государственных должностных лиц (депутатом местного Совета депутатов и др.) и приравненных к государственным должностным лицам (гражданином, зарегистрированным в установленном законом порядке кандидатом в депутаты и др.) государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, уведомляют соответствующие органы, с которыми связана профессиональная (служебная) деятельность правонарушителя [5].

Большое значение в деятельности по борьбе и предупреждению коррупции имеют криминологические исследования: мелкое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями и одноименное коррупционное правонарушение часто не вызывают криминологического интереса по причине отсутствия уголовно-правовых признаков, а это не может способствовать качеству предупредительно-профилактической работы и по отношению к деяниям, предусмотренным ст. 210 УК. Все указанные формы хищения путем злоупотребления служебными полномочиями имеют аналогичные де-

терминирующие начала и иные общие характеристики, и, представляется, они должны рассматриваться как особого вида правонарушение на межотраслевом уровне. Решение некоторых сложных криминологических задач часто наиболее эффективно при использовании комплексного анализа отдельных групп правоотношений [6, с. 162]. Указанное актуально для юридической оценки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями как правонарушения.

Заключение

Таким образом, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями – это правонарушение межотраслевого характера, признаки которого закреплены в уголовном и административном законодательстве, а также законодательстве о борьбе с коррупцией. Исходя из положений, закрепленных в УК, КоАП и Законе «О борьбе с коррупцией», и по результатам их отраслевых характеристик можно выделить следующие особенности, касающиеся юридической оценки хищения путем злоупотребления служебными полномочиями как правонарушения коррупционного характера:

1) приготовление к хищению путем злоупотребления служебными полномочиями является коррупционным, если размер похищаемого по общему правилу превышает 10 базовых величин (в дополнение к квалификации по ст. 210 УК Республики Беларусь со ссылкой на ст. 13 УК); при недостижении соответствующего размера подобная оценка о коррупционности и преступности деяния исключается (это создает проблему профилактики и предупреждения на начальном этапе реализации замысла правонарушителя);

2) покушение на совершение хищения путем злоупотребления служебными полномочиями независимо от размера похищаемого получает оценку как нарушение законодательства о борьбе с коррупцией в дополнение к квалификации по ст. 210 УК Республики Беларусь (со ссылкой на ст. 14 УК) или по ст. 10.5 КоАП;

3) совершение хищения путем злоупотребления служебными полномочиями независимо от размера похищенного получает оценку как нарушение законодательства о борьбе с коррупцией в дополнение к квалификации по ст. 210 УК Республики Беларусь или по ст. 10.5 КоАП;

4) все мелкие хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, квалифицируемые по ст. 10.5 КоАП, являются коррупционными, но деяния не всех нормативно закрепленных субъектов коррупционных правонарушений могут получить оценку как коррупционного правонарушения, выраженного в мелком хищении путем злоупотребления служебными полномочиями (это создает проблему правоприменения, выраженную в конкуренции норм и сложности вывода);

5) все хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, квалифицируемые по ст. 210 УК Республики Беларусь, являются коррупционными, но деяния не всех нормативно закрепленных субъектов коррупционных правонарушений могут получить оценку как коррупционного преступления, выраженного в хищении путем злоупотребления служебными полномочиями (это создает проблемы юридической оценки деяния в условиях конкуренции норм уголовного и антикоррупционного законодательства).

Таким образом, проявляются стратегические направления совершенствования законодательства об ответственности за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями:

1) унификация понятий, обозначающих субъект правонарушений, закрепленных в УК, КоАП и Законе «О борьбе с коррупцией»;

2) закрепление понятия «коррупционное преступление» в Законе «О борьбе с коррупцией», в том числе в бланкетной или отсылочной норме;